

— Я? — Хуа Чэ скучающе крутил в руках чашку с чаем. — Я ещё не решил.

Чжуан Тянь задумался на мгновение:

— Вэнь Юань сказал, что в схватке с Цзо Ци ты использовал флейту. Это твоё духовное оружие, верно? Если так, то ты хочешь идти по пути музыкального культиватора?

На самом деле Хуа Чэ больше склонялся к пути мечника. Ведь он уже практиковал его десятки лет, знал все тонкости и, имея опыт прошлой жизни, мог бы избежать ошибок, оставив только лучшее.

Но путь мечника был тернистым, каждый шаг сопровождался демоном сердца. Именно потому, что они непобедимы, они несли в себе проклятие. С момента вступления на этот путь в душе сеялся демон.

С другой стороны, музыкальные культиваторы были более мирными.

Они совершенствовали душу, успокаивали духовную душу, жили спокойно и отрешённо. Издревле большинство мечников становились демонами, а среди музыкальных мастеров такое случалось крайне редко.

Ну что ж, в прошлой жизни он выбрал путь мечника только чтобы соответствовать стилю Секты Шанцин.

Хуа Чэ поставил чашку и с покорным видом сказал:

— Если учитель считает, что мне подходит путь музыкального культиватора, то я буду изучать музыку.

Чжуан Тянь улыбнулся:

— Хорошо. Выбрав основной путь, можно выбрать и дополнительный. Например, Тянь Юй основным путём выбрал целительство, но его мастерство меча также превосходно. Мечники всё же сильнейшие среди культиваторов, поэтому вам всем нужно усердно тренироваться в фехтовании, чтобы укреплять тело.

— Вы только начали практиковать, вы ещё молоды. Не пытайтесь тайком воздерживаться от пищи, как взрослые, ешьте хорошо и растите здоровыми.

— Правила учеников Чертога Линсяо: уважайте учителя и Путь, знайте свои корни, не общайтесь со злодеями, не предавайте доверие. Вы четверо только что вступили, поэтому вернитесь и перепишите правила сто раз, чтобы запомнить их.

— А? — Хуа Чэ скорчил недовольную гримасу и сразу же захотел отказаться. — Учитель,

нельзя ли обойтись без переписывания? Я могу запомнить.

Чжуан Тянь сказал:

— Прочитать десять раз — не то же самое, что написать один раз. Разве ты этого не понимаешь?

Хуа Чэ отчаянно сопротивлялся:

— Всего двадцать иероглифов, можно запомнить и без переписывания.

Чжуан Тянь был непреклонен:

— Всего двадцать иероглифов, сто раз — это всего несколько листов.

Хуа Чэ промолчал, а затем пробормотал:

— Зачем тратить чернила секты, верно? Хе-хе.

Чжуан Тянь улыбнулся:

— С тех пор как шестой ученик спустился с горы и вернулся с арендной платой, Чертог Линсяо уже не тот, что был раньше. Мы можем позволить себе чернила.

Хуа Чэ промолчал.

Неужели ему показалось, или он случайно заметил, как Чу Бинхуань улыбнулся?

Чжуан Тянь болтал всё утро, и только после обеда перешёл к делу. Поскольку в Чертоге Линсяо только Линь Янь ещё не ввёл ци в тело, Чжуан Тянь поручил Вэнь Юаню заниматься с ним индивидуально, а сам стал учить остальных учеников.

Хуа Чэ, переписывая правила, попытался вызвать Цзифэн, но ни разу не получилось. Он даже начал подозревать, что Цзифэн подслушал его и решил, будто Хуа Чэ выбрал Хансюэ, поэтому капризничает.

После двух недель Хуа Чэ убедился, что его уровень мастерства слишком низок, чтобы вызвать древний меч!

Через три дня Чжуан Тянь вызвал Хуа Чэ и остальных в Чертог Линсяо:

— В секте есть свои правила, и без разрешения главы нельзя покидать её. Как только вы начнёте практиковать, ваша жизнь будет продлеваться в разы. Я даю вам четверым семь дней отпуска, чтобы вы навести своих родителей и братьев. Один день в горах — это тысяча лет в

мире. Когда мы встретимся снова — неизвестно. Если вы хотите встать на путь бессмертных, сначала нужно порвать с мирскими узами, иначе в будущем это вызовет демона сердца.

Все это они понимали.

Но только Хуа Чэ и Линь Янь действительно нуждались в этом.

Чу Бинхуань и Мужун Са происходили из семей культиваторов, так что никаких проблем с прощанием не было.

Мужун Са сказал:

— Я не хочу возвращаться домой, меня там будут пилить.

Он подошёл к Линь Яню:

— Может, я поеду с тобой? Где ты живёшь?

Линь Янь с радостью принял предложение:

— У меня много братьев и сестёр, только не пугайся шума.

— Чем больше людей, тем веселее! — Мужун Са с улыбкой потянул Линь Яня за собой, но вдруг вспомнил что-то и вернулся, чтобы оттащить Хуа Чэ в сторону. — Хуа, насчёт тебя и седьмого ученика... Я, как посторонний, не могу ничего сказать, но тебе нужно с ним всё выяснить. Если решили расстаться, то порвите окончательно. Если хотите быть вместе, то скорее сходитесь. Ты последние две недели всё время избегал его, мне надоело смотреть.

Хуа Чэ отмахнулся:

— Я знаю.

Каждый отправился по своим делам.

Чу Бинхуань, самовольно вступивший в Чертог Линсяо, должен был вернуться домой.

Полдня на мече, и он оказался в Юньтянь Шуйцзин, где служанки почтительно провели его в Юньтянь Гэ.

Перед входом одна из служанок с тревогой предупредила:

— Молодой господин, матушка в гневе.

Он и так знал.

Чу Бинхуань глубоко вдохнул и медленно выдохнул, затем вошёл в комнату и поклонился Мэй Цайлянь, сидящей на главном месте:

— Матушка.

— Ты вообще помнишь, что у тебя есть дом! — Мэй Цайлянь была в ярости, украшения на её голове звенели. — Ни слова не сказал, вступил в Чертог Линсяо, две недели даже не написал. Что ты себе позволяешь!

Чу Бинхуань опустился на колени:

— Простите, матушка, я поступил опрометчиво.

— Хм, если бы ты действительно боялся моего гнева, ты бы не вступил в Чертог Линсяо! — Мэй Цайлянь встала, ударив по столу. — Секта Шанцин тебе не подходит? Почему ты туда не пошёл?

Чу Бинхуань ответил:

— Секта Шанцин — не то, что я ищу.

— Да? Ты бросаешь первую секту ради какого-то нищего захолустья, чтобы тратить там свою жизнь? Ты с ума сошёл?

Чу Бинхуань молчал.

Мэй Цайлянь вдруг усмехнулась:

— Ты думаешь, я не знаю, что у тебя на уме? В тот день, когда Хуа разорвал помолвку и ушёл, ты последовал за ним. Теперь он учится в Чертоге Линсяо, и ты туда же пошёл. Не потому, что Чертог Линсяо такой уж хороший, а потому, что там Хуа Цинкун, верно?

Чу Бинхуань опустил глаза и тихо сказал:

— Да.

— Ты!

Мэй Цайлянь, её красивое лицо исказилось от гнева, руки дрожали:

— Иди, иди в храм предков, пусть они увидят, что ты натворил! Ради мужчины ты бросил всё, забыл о будущем семьи!

Чу Бинхуань встал, но не пошёл в храм, а прямо посмотрел на Мэй Цайлянь:

— Вы хотели, чтобы я вступил в Секту Шанцин, чтобы Юньтянь Шуйцзин стал первой сектой. Матушка, разве Юньтянь Шуйцзин сейчас не на высоте? Разве ваше положение не достаточно высоко? Я не должен ничего семье, не пытайтесь управлять моими мыслями.

Всё, что нужно было отдать, он отдал в прошлой жизни. Слава семьи, положение Юньтянь Шуйцзин — всё это он сделал.

В этой жизни он хотел только быть собой.

Только вернуть то, что потерял в прошлой жизни!

— Мне хорошо в Чертоге Линсяо. Учитель Чжуан добр и мудр, товарищи по секте дружелюбны, мне там нравится. По правилам секты нельзя покидать её без разрешения, поэтому, матушка, берегите себя.

Чу Бинхуань развернулся и вышел.

Мэй Цайлянь, её лицо исказилось от ужаса:

— Бинхуань! Вернись! Ты бездельничаешь, опускаешь руки. Если ты не добьёшься успеха, как ты сможешь отобрать Юньтянь Шуйцзин у своего дяди? Ты хочешь, чтобы мы, вдова и сирота, вечно жили на чужбине?

Его дядя Чу Чанфэн никогда не был жаден до власти, а сам Чу Бинхуань вообще не интересовался Юньтянь Шуйцзин.

Его сердце было в Ханчжоу.

Этот город, полный поэзии и красоты, был переполнен жизнью. Проходя мимо живописного озера Сиху, пересекая оживлённые улицы, он вдруг обернулся...

Тот, о ком он тосковал, стоял в свете фонарей.

Хуа Чэ подавился вином.

Чу Бинхуань стоял на месте.

Свет и тени танцевали, люди шли мимо, а Хуа Чэ в красном одеянии стоял в конце улицы, лёгкий, как облако, загадочный, как иллюзия.

Чу Бинхуань быстро подошёл к нему.

Хуа Чэ держал в руках кувшин с вином, его лицо было слегка румяным от опьянения. Он кашлял, словно испуганный, и из уголков его глаз текли слёзы.

Чу Бинхуань почувствовал что-то в груди и протянул руку, чтобы стереть слёзы, но Хуа Чэ уже вытер их рукавом.

Чу Бинхуань опустил руку и, глубоко глядя на Хуа Чэ, не удержался:

— Почему ты не...

Не вернулся домой.

У Хуа Чэ больше не было дома.

В глазах Чу Бинхуаня мелькнула боль, и Хуа Чэ почувствовал лёгкое содрогание, но тут же сделал вид, что ему всё равно:

— Разве это не хорошо, что у меня нет родных? Весь мир принадлежит мне, никаких привязанностей, никаких расставаний. Отлично.

Чу Бинхуань сказал:

— Есть.

— А?

— Разве я не твой родственник? — Чу Бинхуань достал из-за пазухи нефритовую подвеску с выгравированными иероглифами «Цинкун» — подарок бабушки Хуа Чэ. — Ты не один.

<http://bllate.org/book/15412/1362930>